

Львов И.Г.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ?

«Есть нечто привлекательное в изложении эволюции идей, максимально кратком...».

А. Эйнштейн

«Как прекрасно чувство узнавания объединяющих черт в сложных явлениях, которые воспринимаются как совершенно не связанные между собой».

А. Эйнштейн

«Весь предшествующий опыт убеждает нас в том, что природа представляет собой реализацию простейших математически мыслимых элементов».

А. Эйнштейн

1. Начальный этап: быстрый подъем до предельно достижимой высоты и медленное сползание назад

Настоящая статья является прямым продолжением исходной нашей статьи «Что такое экономика? Простые ответы на пока еще сложные вопросы» [Культура народов Причерноморья. – № 14. – С. 126-132] и посвящена более подробному анализу современного западного направления в экономической теории, в целом получившего название неоклассического. Данное направление возникло во второй половине девятнадцатого века как особый концептуальный подход, принципиально преодолевающий врожденную ограниченность предыдущей классической школы, связанную, напомним, с непониманием ее авторами прежде всего важнейшей роли абстрактного подхода не только к труду, но и к собственно потреблению. Коротко выражаясь, основоположники неоклассицизма осознали-таки, наконец, истинное значение единого количественного описания незаслуженно отодвинутого прежде на второй план общего результата производства, заключенного в абстрактном полезном эффекте, извлекаемом при потреблении его продукта. Однако сам этот эффект был выражен ими при этом, к сожалению, все же не в единицах жизненной силы, как требовал принцип преемственности в отношении той же классической предшественницы, а в особых единицах так называемой полезности, отражающей собой якобы абстрактную способность тех или иных благ просто удовлетворять человеческие потребности как таковые (принося при этом абстрактные же удовольствие, удовлетворение, положительные эмоции в целом). Именно в утверждении о принципиальной возможности абстрактного представления указанных величин и заключалась по существу самая главная аксиома неоклассицизма на этапе его становления, позволявшая ему вроде бы одним махом, не вникая в различия между прямой и косвенной формами потребления, осмыслить сразу обе их в совокупности.

Но такой укрупненный подход нес в себе, как легко понять, скрытую опасность потери некоторых принципиально важных деталей рассматриваемой общей экономической картины. И на этой основе прямо создавал условия, как мы увидим далее, для утраты теорией способности к адекватному осмыслению на сей раз уже самих абстрактных производственных затрат. К счастью, до поры до времени эта конкретная проблема никак себя не проявляла, т. к. затраты здесь тоже удалось выразить сначала в тех же самых единицах субъективной полезности. Для этого наиболее проницательными представителями неоклассицизма была введена особая категория так называемой тяжести труда, связанная на сей раз с порождаемыми им отрицательными эмоциями и выступающая поэтому просто в форме отрицательной же полезности. Главным здесь было то, что и полезность произведенного продукта, и тяжесть труда по его изготовлению, выражались опять же в одних и тех же единицах измерения – единицах полезности. А следовательно, появлялась прямая возможность непосредственно сравнить теперь эти характеристики между собой и легко определить на данной простейшей основе связанный с целенаправленным трудом выигрыш как тривиальную разность между ними! Казалось бы, на этом вопрос об истинной сути экономики должен был бы уже окончательно разрешиться, но тут на передний план как раз и вышла та самая проблема, которая прямо была обусловлена отмеченной ограниченностью укрупненного субъективного подхода к пониманию полезности (и связанного с ней абстрактного потребления в целом).

Дело в том, что абстрактные затраты, как должно быть заметили многие, пока исчерпывались в наших рассуждениях о главных выводах неоклассической концепции опять-таки одной только тягостью труда, т. е. издержки недопотребления вообще не упоминались, что во многом соответствовало, подчеркнем теперь особо, и собственной точке зрения упомянутых наиболее пронизательных ее основоположников – Германа Генриха Госсена, Уильяма Стенли Дживонса и др. Но подобная ограниченность порождала ту же самую важнейшую проблему, которая была ранее головной болью и у классической теории – на базе такого однобокого описания затрат, практически игнорирующего косвенную их форму, вообще нельзя сказать что-либо определенное, как мы теперь хорошо понимаем, о природе интересующего прежде всего экономическую науку процента. И поэтому обобщивший в своей теории все основные наработки названных ранних авторов и потому считающийся по существу главным выразителем идей неоклассической концепции в целом Альфред Маршалл счел все же необходимым обязательно включить в состав полных производственных затрат еще и собственно издержки воздержания. И вот тут-то у него и возникли настоящие проблемы, т. к. никакого серьезного теоретического обоснования данной особой формы затрат укрупненный субъективистский подход к определению полезности принципиально дать не позволял.

Впрочем, на сей раз, в отличие от «классиков», у Маршалла вроде бы уже имелась под рукой основанная на общем осмыслении неоклассицизмом самой абстрактной полезности в целом естественная возможность если и не обоснования издержек воздержания как такового, то, по крайней мере, выдвижения необходимого тезиса об их полной однородности с исходными трудовыми затратами. Сделать это он мог в принципе все тем же проверенным способом – приписав названным издержкам определенную отрицательную полезность, связанную с порождаемыми ими определенными негативными эмоциями, и попросту уравнив тем самым тягость воздержания с тягостью труда, представив их теперь как два равноценных слагаемых в полной сумме единых производственных затрат. Такой шаг представлялся, подчеркнем, тем более естественным, что полностью соответствовал еще одному важнейшему принципу познания природы, также включенному Ньютоном в упоминавшиеся уже в предыдущей статье четыре его основных «Правила философствования» (на сей раз под вторым их номером). В тех же «Математических началах натуральной философии» этот принцип, прямо вытекающий из предыдущего, выражен следующими словами: «Поскольку возможно, должно приписывать те же причины того же рода проявлениям природы... Например, свету кухонного очага и Солнца» [4, С.502.].

И если бы Маршалл действительно воспользовался этим очевидным логическим умозаключением (прямо вытекающим, повторим, из основного ньютонова тезиса о простоте природы и необходимости в связи с этим минимизировать число приписываемых ей фундаментальных причин) и ввел в теорию в дополнение к исходной тягости труда, подчеркнем еще раз, принципиально однородную с ней тягость воздержания, то у него появилась бы прямая возможность просто вычесть затем образуемую указанными составляющими полную сумму производственных затрат из полного же полезного эффекта. И легко определить на данной тривиальной основе сам полный выигрыш, олицетворяющий собой, как мы знаем, итоговую сущность всей экономической деятельности в целом! Иначе говоря, Маршалл мог еще в конце девятнадцатого века легко дать однозначный ответ на вопрос об истинной сути экономики, повернув тем самым экономическую (и не только!) науку на совершенно иной путь развития. Но, к сожалению, так и не решился на описанный сейчас естественный шаг (а может, просто прошел мимо такой возможности), чему тоже есть, как будет далее показано, свое вполне понятное логическое объяснение. Однако прежде, чем переходить к подробному изложению такового, процитируем для начала следующее абсолютно справедливое высказывание еще одного великого физика, во многом проясняющее основную причину самой отмеченной маршалловой нерешительности: «Любое представление о том, что две особенности, сходные по проявлению, основаны на одном и том же принципе, всегда ненадежно до тех пор, пока неизвестен сам принцип» [5, С.52.].!

Эти очень важные слова принадлежат выдающемуся физика XX века, одному из главных создателей квантовой механики, лауреату Нобелевской премии Эрвину Шредингеру, некоторые важные мысли которого по существу и легли в основу самих излагаемых здесь общих выводов. Но сейчас нам важно подчеркнуть именно процитированную его особую мысль, из которой прямо следует, что два вида отрицательных эмоций, связанных, соответственно, с трудом и воздержанием, могут быть однозначно признаны как объективно равноценные (а точнее – объективно необходимые и достаточные слагаемые единых абстрактных производственных затрат) только при наличии объективного же объяснения самих этих эмоций! Объяснения, данного на основе именно некоего фундаментального общего «принципа», в качестве которого здесь прямо может и должна

использоваться как раз та самая исходная аксиома о существовании абстрактного запаса обобщенной жизненной силы человека, определяющего его итоговое состояние, с позиций которой и вели мы с самого начала анализ основных аспектов экономики.

На базе этой аксиомы легко осознается, в частности, что эмоции представляют собой на самом деле лишь сугубо промежуточный эффект, связанный с действием выработанной миллионлетней эволюцией особой сигнальной системы. Она позволяет высшим живым организмам классифицировать таким способом все важные для их жизнедеятельности факторы по степени их влияния на достижение главной объективной цели, каковой и является сохранение и пополнение отмеченного запаса. Но при этом эмоции потому и называются эмоциями, в отличие от рациональных рассуждений, что относятся к сугубо подсознательному уровню мышления, т. е. сами по себе абсолютно ничего не объясняют (ибо, будучи лишь укрупненным, грубым отражением общего результата, по определению не способны выразить некоторые принципиально важные тонкие детали развертывающихся при этом фундаментальных процессов, в которых и заключена основная суть происходящего). Чтобы сполна оценить эти детали, а значит, – и объяснить истинный источник самих эмоций, нужно обязательно перейти на более глубокий уровень анализа. Иначе говоря, повысить опять же степень используемого в его ходе абстрагирования, осуществив в итоге ту самую «инвентаризацию» возможных потоков жизненной силы, которой мы по существу и занимались до сих пор.

В том числе, естественно, и при объяснении истинной сущности собственно издержек воздержания, когда путем несложных рассуждений легко показали, что по своему итоговому влиянию на общий запас жизненной силы человека прямой ее расход в процессе абстрактного труда ничем не отличается от, скажем, косвенного недополучения какого-то ее количества при сознательном ограничении своего прямого абстрактного потребления. И потому абстрактное недопотребление, во-первых, столь же объективно по своей природе, как и собственно абстрактный труд (причем этими двумя видами и исчерпывается весь перечень возможных абстрактных затрат), а во-вторых – потери выражаются здесь принципиально в одних и тех же физических единицах. Но у Маршалла возможности прибегнуть к подобному обоснованию однородности тягостей труда и воздержания, требующему более глубокого взгляда на происходящее, к сожалению, не было – он исходил в своих рассуждениях только из узкой трактовки полезности как чисто эмоциональной характеристики и потому объективная основа собственно тягости воздержания так и не смогла быть им по-настоящему осознана. А без этого он попросту не решился, как уже было сказано, ввести в свою теорию названную саму собой напрашивающуюся категорию, строго однородную с исходной тягостью труда, невольно подтвердив тем самым в очередной раз обсуждавшуюся уже в предыдущей статье фундаментальную мысль Дж.К.Максвелла о том, что «уровень прогресса прямо связан с уровнем абстрагирования»!

Как ни бился Маршалл над рассматриваемой, по сути дела роковой для него, как теперь выясняется, проблемой адекватного учета особых издержек воздержания, но в рамках своего субъективистского понимания полезности ничего с ней сделать не сумел. А в итоге та же участь постигла в конце концов и всю неоклассическую науку в целом. Неудивительно поэтому, что вместо простейшего понятия тягости воздержания, естественно вписывающегося в целостную неоклассическую картину экономического миропонимания, в ней возникли в конечном счете совершенно иные, абсолютно искусственные трактовки данного вида издержек, одним из главных авторов которых был видный представитель так называемой австрийской школы в неоклассической теории Ойген фон Бем-Баверк. Суть выдвинутых им идей сводилась в конечном счете к практически голословному, т. е. опять же никак не связанному с предыдущей аксиоматикой, утверждению о том, что люди якобы предпочитают в своем большинстве сегодняшние блага будущим и потому отказ от какого-либо сегодняшнего блага во имя будущего является для них жертвой, на которую они готовы пойти только в случае ее специальной компенсации. Например, в виде возрастания объема того же блага в указанном будущем периоде, в связи с чем учет самих жертв воздержания должен производиться якобы при помощи специального коэффициента (так называемого коэффициента дисконтирования), отражающего требуемую степень подобного возрастания.

Причем именно данный коэффициент и выражал теперь, по мысли Бем-Баверка, сам итоговый уровень выигрыша от воздержания, как раз и принимающего в данном случае форму процента. Но таковой здесь по существу, как нетрудно заметить, опять-таки попросту постулируется вместе с самим утверждением о существовании определенных временных предпочтений, т. е. вводится на правах отдельной самостоятельной аксиомы, неизбежно вызывая тем самым все то же подчеркнутое Эйнштейном вынужденное «нагромождение разрозненных утверждений». Не случайно поэтому в

цитировавшейся уже в предыдущей статье книге Е. Майбурда «Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров» прямо говорится об описанном понимании процента буквально следующее: «С идеями... процента как платы за ожидание мы вступили на тонкий лед...; эти идеи, более или менее принятые сегодня, подвергались критике уже внутри нового (неоклассического – И.Л.) направления в науке...; короче, мы вступили в область, где не все решено однозначно, – в область дискуссионных вопросов» [1, С.389].

Иначе говоря, слабость подобного «объяснения» процента вполне очевидна сегодня многим, но за неимением ничего лучшего большинство специалистов все же вынуждено довольствоваться описанными «идеями», в действительности вообще ничего не объясняющими. Именно так поступил в конечном счете и сам Маршалл, раскритиковавший изложенную концепцию Бем-Баверка на словах, но включивший ее в свои построения на деле (подробнее обо всем этом опять же можно будет прочитать при желании в отдельной нашей статье «Маршалл против Маршалла»). Для дальнейших своих выводов, впрочем, он названную концепцию фактически никак не использовал, чем и сохранил способность к полноценному анализу многих прочих аспектов экономики. Но вот что касается влияния указанных идей непосредственно на саму возможность адекватного осмысления итоговой сути этого вида деятельности, то здесь они подрывают такую возможность, как легко понять, принципиально – все теперь настолько усложняется, что от былой простоты и ясности в понимании выигрыша уже ничего не остается. В частности, – собственно выигрыш от недопотребления выступает теперь в форме упомянутого коэффициента дисконтирования, имеющего сложную размерность и совершенно не поддающегося в итоге приведенному выше простейшему анализу.

А поскольку именно данная составляющая полного выигрыша, как уже было отмечено, находится в современной экономике на поверхности вещей и хорошо видна каждому (в отличие от второй его составляющей, обусловленной собственно трудовыми издержками и вообще не осознаваемой на обыденном уровне), то в результате данная искусственная форма описания невольно распространяется и на весь выигрыш вообще. Другими словами, процент становится олицетворением всего выигрыша в целом (в дополнение к нему появляется затем, правда, как мы еще увидим, особая категория так называемой «экономической прибыли», но она не имеет в действительности к рассматриваемому сейчас реальному выигрышу уже абсолютно никакого отношения), и тем самым попросту перечеркивает уже достигнутое, казалось бы, исходное понимание выигрыша как алгебраической суммы положительной и отрицательной полезностей. Возникает глубоко эклектичная общая картина экономической действительности, вносящая в уже полученные, казалось бы, простоту и гармонию вновь все затмевающие сложность и диссонанс.

Как тут не процитировать в качестве иллюстрации к подобному исходу третья, уже на сей раз ньютоново, «Правило философствования», содержащее, в частности, следующие очень подходящие к описываемому сейчас случаю удивительно прозорливые слова: «Не следует измышлять на авось каких-либо бредней, не следует также уклоняться от сходственности в природе, ибо ПРИРОДА ВСЕГДА И ПРОСТА И ВСЕГДА САМА С СОБОЙ СОГЛАСНА» [4, С.503.!] Именно игнорирование этого очевидного требования и объясняет главную причину итоговой неудачи в осмыслении базовой сути экономики всей неоклассической теории вообще на рассмотренном маршаллианском этапе ее развития.

2. Завершающий этап: перерождение

Отмеченное выше тупиковое состояние неоклассической теории, обусловленное ее неспособностью осознать истинную суть всего-навсего издержек воздержания, возможно, и удалось бы в конце концов преодолеть, если бы только на данном негативном фоне не сложились чрезвычайно благоприятные условия для широкого распространения еще одной принципиально ошибочной теоретической концепции, уже окончательно лишившей неоклассическую науку такой возможности. Ибо после ее воцарения из экономической теории вообще исчезло само исходное понятие «тягости» (в том числе и собственно тягости труда), как раз и выступавшее, напомним, основой для провозглашения фундаментальной одномерности экономических затрат и результата. Речь идет о фактически общепринятой сегодня особой концепции еще одного видного представителя австрийской школы Фридриха фон Визера (на этапе становления этой школы к ней, помимо Визера и упоминавшегося уже выше Бем-Баверка, принадлежал также и являющийся ее родоначальником Карл Менгер). Все трое названных авторов стояли по существу у истоков всего неоклассического направления, но, в отличие от упомянутых выше других его основоположников, они принципиально не признавали саму возможность учета производственных затрат путем приписывания им

определенной отрицательной полезности (вот еще одно, более глубокое, проявление несовершенства субъективистского подхода к определению полезности), что и предопределило сам упомянутый их отказ от использования краеугольного понятия тягости в целом.

Вместо этого австрийская школа (в лице упомянутого фон Визера) выдвинула совершенно особую концепцию так называемых альтернативных издержек, согласно которой производственные затраты определяются якобы просто тем упущенным эффектом, который мог бы быть получен при использовании тех же самых производственных ресурсов в другом, альтернативном нашему, виде деятельности. Такой подход позволял вообще снять с повестки дня проблему обоснования как самой тягости воздержания, так и всех реальных затрат в целом (включая доказательство принципиальной однородности всех особых их составляющих), а значит, устранял вроде бы и связанную с этим вопросом явную путаницу в маршаллианском варианте неоклассической теории. Именно благодаря этому он и стал в конце концов главенствующим, но вот к искомому пониманию истинной сути экономики, к сожалению, так и не привел, еще более удалив от него на самом деле всю неоклассическую школу. Связано это было с тем, что визеровские альтернативные затраты выражают собой в действительности совершенно иной экономический факт, нежели рассматривавшиеся до сих пор реальные, и потому вообще не способны заменить последние при осмыслении итогового выигрыша.

Чтобы сделать это утверждение достаточно понятным, давайте уточним предварительно, какой вопрос должен решить для себя прежде всего планирующий определенное экономическое действие человек (или любой живой объект в целом)? Ответ здесь очевиден: он должен выяснить (во многих случаях этот анализ происходит «автоматически» на уровне подсознания), компенсирует ли ожидаемый результат предполагаемые реальные потери, т. е. принесет ли указанное действие реальный выигрыш или, напротив, будет связано с реальными же убытками? Обойтись без учета реальных издержек при этом, обратите внимание, попросту невозможно, а сам выигрыш выступает в итоге важнейшим фактором принятия всего данного первичного решения. Но после того, как оно уже принято, причем принято именно с положительным итоговым результатом, возникает следующий естественный вопрос, связанный на сей раз с ограниченными размерами имеющихся у соответствующего человека необходимых производственных ресурсов (трудовых, материальных и времени). Из-за этого все имеющиеся возможности извлечения положительного в целом выигрыша просто не могут быть реализованы совместно.

А значит, – требуется обязательно решить далее, какие из этих возможностей все-таки следует осуществить, а от каких, напротив, придется отказаться, хотя сами по себе они тоже являются экономически «рентабельными» (т. е. приносимый ими реальный выигрыш принципиально мог бы быть больше нуля, что только и требуется, повторим, согласно первому исходному критерию оправданности самих активных действий вообще). Но по какому же критерию следует отбирать теперь уже действительно подлежащие реализации проекты? Ответ опять-таки достаточно очевиден – по критерию максимизации величины полного выигрыша. А следовательно, последний и в ходе решения этого вторичного вопроса тоже должен был бы, кажется, оказаться в центре экономического анализа, для чего не обойтись, понятно, и без учета реальных производственных затрат. Но на самом деле находится опять же некий укрупненный путь анализа, который позволяет рассматривать данную вторичную проблему как бы обходя саму первичную, т. е. попросту исключая из рассмотрения как названные реальные затраты, так и сам реальный выигрыш.

Суть этого метода легко понять, если вспомнить, что сама указанная вторичная задача выбора возникла из-за того, что требующиеся для реализации любого экономического проекта ресурсы принципиально ограничены, а следовательно, связанный с ними совокупный объем реальных затрат является в данной задаче исходно фиксированной величиной. И требуется лишь решить, как лучше использовать эти затраты, для чего сам реальный выигрыш вычислять в целом уже совершенно необязательно – ведь последний равен, как известно, разности между полезным эффектом и реальными затратами, и при фиксированной величине таковых максимум выигрыша будет прямо соответствовать просто максимуму самого эффекта! Иначе говоря, в данном конкретном частном случае достаточно включить в анализ лишь сам этот последний, полностью опустив для простоты все остальные экономические параметры, что и было как раз очень удобно для рассматриваемой австрийской школы, фактически не признававшей, напомним, ничего кроме положительной полезности. В итоге она и свела задачу выбора к сравнению именно самих возможных полезных эффектов от всех существующих альтернатив, т. е. к нахождению лучшей из них просто по максимальному значению такового. А непосредственно Фридрих фон Визер затем уже прямо предложил называть наибольший из всех тех эффектов, от которых все-таки приходится

отказываться вместе с характеризующими ими альтернативами, собственно альтернативными издержками выбранного конкретного проекта.

Таким образом, повторим, сама идея альтернативных затрат, как особо подчеркивает в упоминавшемся уже в предыдущей статье фундаментальном научном труде «Экономическая мысль в ретроспективе» один из признанных авторитетов в области истории экономической науки Марк Блауг, основана «на центральном предположении австрийцев, что предложение всех производительных ресурсов фиксировано.., что ...все психологические переменные могут быть представлены как феномен спроса, предъявленного на фиксированные запасы – продуктов, факторов, времени или человеческих возможностей. ...В знаменитом примере Бем-Баверка о рынке лошадей...», – продолжает Блауг, – предложение обуславливается не «реальными издержками» изготовления товара, а издержками отказа от других направлений его использования. ...Визер обобщил пример Бем-Баверка в доктрине альтернативных издержек: при заданных объемах запасов производственных факторов... издержки изготовления товара отражают не что иное, как... платежи, необходимые для отвлечения факторов от наиболее выгодных из других способов их использования... Благодаря своей терминологии теория альтернативных издержек обладает тем преимуществом, что концентрирует внимание на вопросе статической эффективности распределения ресурсов. Но пренебрежение... флуктуациями предложения... оставляет нас в области неопределенности... Теория реальных издержек предполагает переменное предложение факторов и превосходит теории альтернативных издержек по степени соприкосновения с проблемой динамической эффективности» [2, С.453-456.].

Но статичность – вовсе не единственный недостаток «австрийского» подхода. У концепции альтернативных издержек, как теперь понятно, есть и гораздо более серьезный «грех», обусловленный подрывом ею самой возможности осознания истинной сути экономики. Да, введенный «австрийцами» укрупненный подход к разрешению проблемы выбора, согласимся здесь в целом с Блаугом, действительно несет в себе известное рациональное зерно, позволяя наиболее просто решать в теории саму рассматриваемую вторичную задачу максимизации «статической эффективности распределения ресурсов» – достаточно убедиться, что реально извлекаемый полезный эффект превышает наибольший из всех вынужденно отвергнутых, как раз и выражаемый показателем названных альтернативных затрат, и само упомянутое распределение можно сразу считать правильным. Т. е. данный укрупненный способ выражения экономических идей, несмотря на явное игнорирование им опять-таки некоторых принципиально важных деталей экономической реальности (которые попросту выпадают из анализа), действительно «концентрирует благодаря своей терминологии внимание» на самой проблеме выбора и поэтому вполне оправдан как удобный теоретический прием, специально приспособленный к решению названной конкретной задачи. И если бы он сознательно был декларирован именно в таком качестве, подчеркнем теперь этот момент специально, а не претендовал на звание некоего фундаментального экономического принципа, то не было бы и предмета для всего настоящего разговора вообще.

Но в том-то и дело, что альтернативные затраты с самого начала были декларированы Визером как единственно возможная форма выражения исходных производственных издержек, требующая полного исключения из анализа их базовых реальных прототипов (трактуемых «австрийцами» как подлежащий отправке «на свалку истории» своеобразный пережиток отвергнутого «классического» прошлого). «Значение доктрины альтернативных издержек для тех, кто ее выдвигал, – замечает по данному поводу тот же Блауг, – состояло в том, что она демонстрировала ошибочность теорий... основанных на «реальных издержках». Австрийцы с пренебрежением отзывались о двусторонней теории Маршалла, в которой в качестве уступки классической теории... предложения побуждают факторы к работе, преодолению физических ограничений и субъективного сопротивления. Теория альтернативных издержек представила как спрос, так и предложение зависящими от полезности, сведя все издержки к отказу от полезности» [2, С.453,454.]. Но вместе с реальными издержками, как мы теперь уже хорошо понимаем, из теории одновременно изгонялась и вся первичная задача исчисления реального выигрыша, без которой понять истинный смысл самой экономической действительности становилось уже совершенно невозможно!

Именно поэтому конечной целью экономической деятельности каждого отдельного человека сегодняшняя неоклассическая теория считает простую максимизацию совокупной полезности приобретаемых им так или иначе (но обязательно с принципиально фиксированными затратами) конкретных благ. Например, производимых самостоятельно при фиксированной величине затрачиваемого труда и всех остальных ресурсов. Об извлекаемом же при этом выигрыше, как раз и являющемся истинной целью любого производства вообще, даже не упоминается. Он, впрочем, вынужденно признается целевой функцией для так называемых фирм, выступая при этом в форме

упоминавшейся уже ранее «экономической прибыли» (т. к. иначе цель их деятельности вообще оказывается не определенной: максимизация испытываемого субъективного удовольствия по отношению к фирмам выглядит уже вроде бы прямым нонсенсом). По мнению современных экономистов, фирмы якобы действительно стремятся к максимизации именно прибыли, но в большинстве случаев – вот парадокс – в конечном счете так ее и не получают! А если все же иногда и получают, то неизвестно откуда, т. к. происхождение этой «фирменной» прибыли является очередной тайной, над разрешением которой вот уже сотню лет бьются лучшие умы от экономики. В известном российском журнале-учебнике «Экономическая школа» эта удивительная ситуация иллюстрируется при помощи рисунка с изображением осла, тщетно преследующего подвешенную перед ним на палке, находящейся в руках у седока, морковку, и сопровождается следующим красноречивым комментарием:

«Прибыль – одна из самых распространенных категорий современной экономики. Каждый человек имеет слово «прибыль» в своем активном словарном запасе... Целевая функция фирмы – это максимизация именно прибыли. Прибыль – это и одна из самых неоднозначных категорий в экономической науке. Четкой, принимаемой всеми экономистами трактовки прибыли сегодня нет. Причем экономисты спорят не об определении прибыли как таковой – с этим как раз вроде бы уже все ясно. Прибыль – это «ничто», остающееся в выручке предприятия после вычета из нее всех затрат. Различные толкования вызывает другой вопрос – о происхождении прибыли. Откуда берется этот остаток, эта разница между выручкой и затратами? Современные взгляды на происхождение прибыли, к великому сожалению, ...не представляют собой единой строгой концепции» [6, с.225.]. А между тем все в данном вопросе становится предельно ясным, если учесть истинную сущность фигурирующего здесь выигрыша – ведь речь идет в действительности вовсе не о реальном, а именно «альтернативном выигрыше», определяемом, соответственно, как разность того же эффекта и принципиально альтернативных же затрат!

Этот альтернативный выигрыш играет в экономике сугубо второстепенную роль и выражает собою, как теперь ясно, всего лишь различие эффектов в двух наилучших вариантах использования соответствующих ресурсов. Как правило, – весьма и весьма небольшое, а зачастую и просто нулевое, если названные варианты абсолютно равноценны по своей эффективности. Иначе говоря, указанный альтернативный выигрыш может просто элементарно отсутствовать, если два лучших варианта дают полностью одинаковый полезный эффект, что и является, как легко показать, наиболее вероятным исходом вообще при достаточно строгом определении самого понятия альтернативы. Ведь если проводить альтернативный принцип до конца, то любое, даже самое минимальное изменение в использовании ресурсов (например, просто перемена местами двух одинаковых гвоздей, крепящих доски деревянного ящика) уже должно быть признано альтернативой, вследствие чего связанные с двумя наилучшими вариантами эффекты почти всегда оказываются равны между собой, обеспечивая тем самым нулевое значение обсуждаемого сейчас альтернативного выигрыша. И в этом факте, подчеркнем, нет ничего необычного, ибо он является в действительности просто еще одним подтверждением той акцентировавшейся уже выше очевидной мысли, что «альтернативный» подход по самой своей сути предназначен для разрешения собственно одной только проблемы выбора.

В рамках анализа данной конкретной проблемы играет роль на самом деле, как легко понять, один только знак рассматриваемого сейчас альтернативного выигрыша, а никак не его непосредственное количественное значение – если этот знак положителен (точнее – сам выигрыш просто больше или равен нулю), то естественным будет вывод, что задача выбора решена правильно, если же отрицателен (т. е. альтернативный выигрыш представляет собой в действительности проигрыш), то это значит, что названная задача еще не решена и поиск наилучшего варианта следует продолжить. Вот и все – ничего более, повторим, из рассмотрения альтернативного выигрыша извлечь нельзя, вследствие чего его нормальное равенство нулю должно восприниматься как абсолютно закономерное (как и равенство нулю полного дифференциала непрерывно дифференцируемой функции многих переменных в точке ее экстремума, если уж говорить более строгим математическим языком). Что же касается кажущегося отличия от нуля в большинстве реальных случаев упомянутой ранее «фирменной» прибыли (при альтернативной форме ее трактовки, ибо конечное значение реальной прибыли никого уже удивить не может!), то здесь проявляет себя еще одна явная ошибка неоклассической теории, связанная как раз с тем, что она учитывает в действительности далеко не все возможные альтернативы, а только так называемые укрупненные, требующие перехода к принципиально новым видам деятельности!

При таком не до конца строгом подходе альтернативный выигрыш будет иметь нулевое значение только в принципиально особом частном случае так называемого «всеобщего конкурентного

равновесия длительного периода», играющем в экономике роль своеобразной идеализированной ситуации, характеризующейся именно равноценностью всех укрупненных альтернатив. Если же условия этой идеализации нарушаются, что практически всегда имеет место в действительности, то неизбежно возникает и отличная от нуля альтернативная прибыль, т. е. просто разность между двумя наибольшими возможными эффектами, определяемая в первую очередь наличием обычно у каждого человека ярко выраженной способности (врожденной или приобретенной) только к какому-то одному конкретному занятию. Впрочем, это уже отдельный специальный вопрос, выходящий за рамки настоящей статьи, так что более строго мы его сейчас рассматривать не будем. Но и без такого рассмотрения всем уже должно быть ясно, что сама альтернативная прибыль представляет собой в действительности, повторим снова и снова, лишь сугубо вспомогательный параметр, несколько упрощающий анализ принципиально вторичной проблемы выбора.

Исходный же смысл экономической деятельности сводится на самом деле, как мы уже хорошо знаем, к извлечению прежде всего фундаментального реального выигрыша, остающегося в любой ситуации принципиально положительным. Именно в его максимизации состоит в действительности итоговая задача как фирм, так и любого трудящегося человека в отдельности, всегда являющегося по своей общеэкономической сути предпринимателем. (Как будто целевая функция фирмы, состоящей иногда даже из одного человека, может отличаться от целевой функции его самого!) Но чтобы понять это важнейшее обстоятельство, нужно обязательно вернуть в теорию все те же незаслуженно изгнанные из нее «австрийцами» базовые реальные затраты, и в первую очередь – «классический» абстрактный труд или связанную с ним особую субъективную тягость, если уж оставаться на рассматриваемой неоклассической позиции. Затем потребуется обязательно обосновать, правда, принципиально объективную основу и собственно тягости воздержания, чтобы окончательно снялись все возможные вопросы по поводу однородности входящих в формулу для реального выигрыша базовых экономических величин, но данная конкретная задача, понятно, уже не представляет для нас теперь абсолютно никакой трудности.

Итак, теперь уже прямо можно констатировать, что главная проблема рассмотренного «австрийского» подхода, а вместе с ним и всей современной неоклассической школы в целом, которая полностью взяла в последние десятилетия на свое вооружение отмеченный визеровский принцип альтернативной трактовки полных производственных издержек, состоит просто в неправильном выборе ими того основного вопроса, которому исходно должна быть посвящена сама экономическая наука. Все усилия последней устремлены сегодня на решение прямо связанной с упомянутым альтернативным принципом вторичной задачи выбора наилучшей из множества возможных альтернатив, вследствие чего даже сам ее предмет определяется в действующих неоклассических учебниках следующим стандартным образом: «Экономика – это общественная наука, изучающая выборы, которые люди совершают, используя ограниченные ресурсы для удовлетворения своих желаний» [7, С.8.]. Но хотя изучение названных выборов – это действительно чрезвычайно важная и интересная экономическая задача, причем настолько объемная, что мы вообще не беремся даже затрагивать ее сколько-нибудь подробно в настоящей сугубо предварительной статье, все же теперь уже каждому должно быть очевидно, что вовсе не она является наиболее фундаментальным вопросом экономики, а сам получаемый от подобной деятельности реальный выигрыш! Ибо именно он, подчеркнем еще раз специально, и является тем исходным критерием, максимизации которого и посвящен затем уже собственно упомянутый сейчас выбор. Иными словами, неправильно определен, как уже было сказано, сам основной вопрос экономической науки в целом!

А вместе с ним практически изменена затем, естественно, и сама исходная аксиома неоклассицизма, т. к. на смену первоначальному утверждению о принципиальной возможности единого количественного описания полезности как абстрактной способности экономических благ удовлетворять различные человеческие потребности пришло более «мягкое» предположение о способности каждого человека лишь ранжировать блага по указанному критерию, т. е. сопоставлять их между собой по способности приносить абстрактное удовлетворение, но уже без количественного описания такового. Иначе говоря, количественная полезность была заменена так называемой порядковой, специально приспособленной для рассмотрения именно проблемы выбора – ведь суть последнего, если вдуматься, сводится именно к простому ранжированию различных альтернатив с целью определения наилучшей из них, для чего вполне достаточно уметь просто ранжировать связанные с каждой из них полезные эффекты. Измерять же их количественно при этом уже совершенно необязательно – такое измерение становится принципиально необходимым именно при сравнении полезных эффектов с реальными затратами в ходе решения первичной задачи экономики,

но если она сегодня даже не осознается, то излишней становится, понятно, и сама количественная полезность.

С понижением же уровня абстрагирования при формулировании самой исходной аксиомы, как теперь уже всем должно быть ясно, неизбежно теряется и достигнутое ранее понимание некоторых принципиально важных деталей. В частности, во многих случаях отказ от количественного описания полезности вообще ведет к практически полному вытеснению и самого этого краеугольного понятия из созданной изначально на его же собственной основе неоклассической теории, т. е. к переходу последней вместо изучения полезности к всестороннему анализу уже одних только лежащих на поверхности вещей ценовых соотношений. Дошло до того, что один из видных экономистов нашего времени профессор Уильям Джек Баумоль прямо высказал в своих рекомендациях по обучению российских ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ экономики, опубликованных в том же журнале-учебнике «Экономическая школа», следующую весьма «свежую» мысль: «...Теорию полезности, по моему мнению, вообще следует исключить из рассмотрения, поскольку я никогда не видел никаких ПРИКЛАДНЫХ работ, выполненных на основе этой части теории» [8, с.325.]!

В качестве же альтернативы исчислению полезности было предложено использовать, повторим, именно ценовые соотношения, более или менее точно описывающие как раз прикладные закономерности реальной хозяйственной практики. Благо, используемый при этом единый денежный измеритель, как специально отмечалось ранее, позволяет в отдельных частных случаях обойтись в первом приближении и без более строгих логических рассуждений. Но во многих иных принципиально важных случаях, например, при попытке осмысления именно той скрытой составляющей полного реального выигрыша, которая связана собственно с целенаправленным трудом, такой подход, как мы видели, вообще не пригоден. И потому широкое применение его, еще более понижающее планку абстрагирования, на сей раз уже практически полностью исключило саму возможность осознания современной неоклассической теорией истинной сути экономики. Именно с этим обстоятельством и связана наша весьма низкая ее итоговая оценка (между половиной и четвертью от полного понимания реальности), данная, напомним, в самом конце предыдущей основополагающей статьи.

Она касается только, впрочем, подчеркнем во избежание недопонимания особо, самой по себе возможности осмысления на основе этой теории единственно интересующей нас здесь настоящего фундаментальной сути экономики, а никак не всех прочих многочисленных построений неоклассицизма, заслуживающих в целом, разумеется, весьма высокой общей оценки. И в первую очередь – за серьезнейшую математическую проработку относительно частных вторичных вопросов, связанных прежде всего, конечно же, именно с отмеченной проблемой выбора. Но искомого понимания глубинной сущности экономической действительности эта математика сама по себе, что теперь уже не вызывает никаких сомнений, принести все же принципиально не могла, ибо ничего не позволяла сказать как раз о тех глубинных экономических процессах, которые попросту оказались за бортом современной неоклассической теории. Более того – именно преждевременное увлечение данной достаточно сложной (для большинства людей) математикой, как и любое чрезмерное забегание вперед, во многом и стало, на наш взгляд, весьма существенной дополнительной причиной, помешавшей в конечном счете названным выше Госсену, Джевонсу и Маршаллу с самого начала осмыслить вскрытые в настоящей статье чрезвычайно простые закономерности. А вместе с ними – и многие важные особенности собственно упомянутых вторичных вопросов, затрагивающих дальнейшие аспекты экономической реальности.

Как раз по этой важнейшей причине мы и не касались здесь вообще, как, должно быть, заметили специалисты, заполнившей все неоклассические учебники названной специальной математики (и не использовали, соответственно, связанную с ней специальную терминологию, имеющую значение, подчеркнем, лишь для рассмотрения отмеченных принципиально вторичных вопросов, выходящих за рамки настоящей статьи). Напротив, – мы сознательно ограничились пока лишь самыми простыми математическими рассуждениями, ибо трижды прав был Эйнштейн в своем фундаментальном утверждении (см. последний эпиграф к данной статье), что на глубинном своем уровне «природа представляет собой» в действительности «реализацию простейших математически мыслимых элементов»! Только благодаря следованию с самого начала этому поистине универсальному принципу нам и удалось легко понять, подчеркнем, все описанные выше важные закономерности, причем наиболее естественной дорогой к ним оказалась, напомним, как раз достаточно простая в своей основе исходная классическая теория. Последний факт вообще позволяет нам к тому же сделать теперь в заключение всего данного разговора о существующих экономических концепциях следующий совершенно очевидный резюмирующий вывод: дальнейшее развитие экономической

науки должно происходить именно путем соединения «объективного» подхода «классиков», с одной стороны, и всех главных наработок неоклассицизма в отношении проблемы выбора – с другой, что во многом позволит уточнить, в частности, и сами эти последние.

Данный вывод тем более оправдан, что полностью соответствует следующей абсолютно справедливой мысли цитировавшегося уже нами в предыдущей статье Йозефа Шумпетера, высказанной им еще полвека назад в той же своей «Истории экономического анализа»: «Наши интеллектуальные достижения мало кого приводят в восторг и меньше всего нас самих – экономистов. Более того, они всегда были (и есть) не только скромными, но и крайне неупорядоченными... И хотя... в каждую эпоху существовала утвердившаяся профессиональная точка зрения..., мы все же не можем говорить о ней с той же уверенностью, как физики или математики. В результате мы не можем или не хотим доверить друг другу задачу обобщить современное состояние нашей науки. В отсутствие удовлетворительных обобщающих работ здесь нам может помочь изучение истории науки... В нашей науке множество научных выводов, гораздо больше, чем в физике, были отброшены или оставались в забвении в течение столетий. Мы столкнулись с примерами поистине ужасающими. Экономист, изучающий историю своей науки, скорее найдет в ней интересное предположение или полезный, хотя и горький, урок, чем физик, который в принципе может спокойно исходить из того факта, что из работ его предшественников почти ничего ценного не пропало» [3, С.251.].

Литература

1. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. – М.: Дело, Вита-Пресс, 1996.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело ЛТД, 1994.
3. Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. – М.: Экономика, 1989.
4. Ньютон Исаак. Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989.
5. Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. – М.: Атомиздат, 1972.
6. «Экономическая школа», выпуск 4, 1998.
7. Долан Э. Дж., Линдсей Д. Рынок: Микроэкономическая модель. – С.-Пб., 1992.
8. «Экономическая школа», выпуск 3, 1993.